Теория формальной истины в арбитражном процессуальном праве

В. А. Лаптев^{1,2}, П. П. Баттахов^{1,2,3}

¹ Институт государства и права Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10

² Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

³ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Российская Федерация, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58

Для цитирования: Лаптев, В. А., П. П. Баттахов. 2025. «Теория формальной истины в арбитражном процессуальном праве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 30–47. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.103>

Изучение теорий истины с методологической точки зрения полезно как для естественных, так и для гуманитарных наук, включая правоведение. В статье формулируется теория формальной истины на основе складывающейся в настоящее время судебной практики в сфере арбитражного судопроизводства. Исследуются основные характеристики и содержание этой теории. Дается правовая оценка ее применения в арбитражном процессе, рассматриваются используемые судом способы и приемы установления обстоятельств дела, а также мотивы принятия соответствующих судебных актов. Анализируются подходы к оценке предмета иска, выбору способа защиты нарушенного права и активной роли суда в арбитражном судопроизводстве. Раскрываются общие и специальные положения норм права о распределении бремени доказывания. Определена грань дозволенной законом и возможной практически активной роли суда. В качестве критериев дозволенной роли суда могут выступать рамки дискреционных функций, в которых суд вправе самостоятельно определять способ проверки устных и письменных доводов сторон. Кроме того, активная роль суда определяется сложившейся судебной практикой по соответствующим категориям дел. Наконец, при отсутствии положений закона активная роль суда реализуется по усмотрению судьи с учетом обстоятельств конкретного спора и необходимости выполнения задач судопроизводства. Отмечается важность своевременного раскрытия соответствующих доказательств и заявления ходатайств, в том числе о фальсификации доказательств. Сделан вывод о том, что решение данного вопроса находится в процессуальной плоскости, однако правовые последствия такого заявления влияют на материально-правовой результат. Проанализировано влияние информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, на существенные характеристики теории формальной истины в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: теория истины, теория формальной истины, процессуальный эстоппель, злоупотребление правом, раскрытие доказательств, бремя доказывания, процессуальные риски, решение суда, активная роль суда, фальсификация доказательств.

1. Введение

На протяжении нескольких тысячелетий теории истины являются значимым предметом изучения в философии. Несмотря на разработанность данных теорий, постоянно предлагаются новые подходы к их пониманию, позволяющие по-иному смотреть на окружающую нас действительность. Рассматриваемые теории имеют значительное влияние на процесс и методы познания. Выделяются следующие теории истины: корреспондентная — высказывание или убеждение соответствует фактам (Russell 1903; Moore 1993); когерентная — имеется согласованность в соответствующей принятой системе высказываний (Bradley 1883; Joachim 1906); теория прагматизма — идеи или убеждения могут быть реализованы на практике (Peirce 1992; 1999; James 1890); консенсусная — существуют принятые сообществом интерпретаторов высказывания (Habermas 1973) и др.; элементы этих теорий переплетаются между собой.

Приведенные теории истины отвечают на вопрос о качестве суждения и сводятся к единому знаменателю, указывая на то, что истина представляет собой достоверное высказывание или убеждение. По сути, истина является свойством высказывания (убеждения, идеи или концепции). Преломляя упомянутые выводы, авторы настоящей статьи предлагают теорию, подходы к формированию которой сложились в процессе применения судами закона, — речь идет о теории формальной истины. Данная теория применяется в правоведении, а в ее основу положены нормы процессуального права и судебная практика.

Мы не ставим перед собой задачу переосмыслить фундаментальные теории истины, а предлагаем теорию, применение которой будет полезно для юридической науки и практики. Развитие законодательства и изменение подходов судебной практики Верховного Суда РФ (ВС РФ) и окружных арбитражных судов побудили авторов обратить внимание на рассматриваемую теорию в области судебного процесса. В России выделяются пять видов судопроизводства — конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное (ст. 118 Конституции РФ¹), — каждый из которых обладает специфическими чертами. Настоящее исследование раскрывает теорию формальной истины в арбитражном судопроизводстве.

Актуальность теоретического исследования теории формальной истины в процессуальном праве состоит в следующем.

Во-первых, в науке до сих пор ведется немало споров о роли суда в гражданском и арбитражном судопроизводстве. До реформы гражданского процессуального законодательства 1991–1992 гг. действовал принцип объективной истины, который предполагал, что суды (в том числе арбитражные) принимали активное участие в процессе, включая принятие мер по установлению всех обстоятельств рассматриваемого дела. Теперь, в отличие от советского периода, суды руководствуются принципом формальной истины: суды выносят решения на основе фактических обстоятельств дела в пределах доказательств, которые были представлены сторонами. Таким образом, принцип формальной истины предполагает более активное участие и подключение сторон к судебному процессу и поиску необходимых доказательств. В процессе доказывания суду отводится менее активная роль: по общему

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативные правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 3 марта, 2025. <http://www.consultant.ru>.

правилу суд не инициирует сбор доказательств, и значительно большая ответственность по представлению доказательств возлагается на участников процесса.

Вместе с тем в науке процессуального права недостаточно исследована теория формальной истины — ее сущность и вопросы конкретного применения в правоотношениях, в том числе в арбитражном процессе.

Для сравнения: в исследованиях в области гражданского процесса, в частности в трудах С. Ф. Афанасьева, использовался термин «юридическая истина» — правовая категория, являющаяся результатом судебного познания (Афанасьев 1998). Истина рассматривалась прежде всего как философско-правовая категория, как результат судебного разбирательства. Исследованию в основном подвергались нормы о гражданском процессе (как одной из разновидностей цивилистического процесса), в то время как, по нашему мнению, арбитражный процесс обладает отличительными характеристиками, в том числе продиктованными особым субъектным составом (профессиональными участниками рынка), используемыми цифровыми технологиями² и др.

В силу теории формальной истины как подготовка судебного дела, так и состязательность (активное процессуальное противостояние сторон) не всегда определяют исхода дела. Итоговое значение имеет лишь совершение соответствующих тех процессуальных действий сторонами и даже самим судом, которые непосредственно определили итоги конкретного спора. Таким образом, существенное значение имеет не столько позиция стороны, основанная на материально-правых нормах, сколько процессуальное поведение участников процесса и действия суда, которые в конечном счете и определяют материально-правовые последствия рассмотрения спора, но не являются следствием правовой оценки поведения сторон в материальном правоотношении (Толстой 1959).

Исследование применения судьями теории формальной истины в сфере арбитражного судопроизводства на базе судебной практики арбитражных судов (Лаптев 2015) позволяет говорить о том, что элементы данной теории могут применяться и в гражданском процессе.

Во-вторых, немало дискуссий ведется о значении объективной и формальной истины в гражданском и арбитражном процессе (Туманов 2021). В частности, отмечается, что при поиске формальной истины суд принимает решение, основываясь на обстоятельствах дела, указанных сторонами, а потому найденная истина имеет в большей степени формальный характер. Суд при этом не собирает доказательства по своей инициативе, так как не наделен соответствующими полномочиями законодательством, что препятствует поиску объективной (иначе — материальной) истины (Докучаева 2005). Согласно данной позиции, сущность правосудия состоит именно в поиске материальной истины; соответственно, в таком случае суду отводится более активная роль в процессе доказывания. В связи с этим представляется важным аргументированный анализ теории формальной истины и ее особой роли в арбитражном судопроизводстве.

Наконец, сегодня достаточно остро стоит проблема злоупотребления участниками процесса своими правами — это касается прежде всего сроков раскрытия и представления доказательств. Несвоевременное исполнение сторонами

² Например, информационная система «Мой.Арбитр». Дата обращения 3 марта, 2025. <https://my.arbitr.ru>.

процессуальных прав и обязанностей в ряде случаев приводит к затягиванию процесса и препятствует рассмотрению дела. Соответственно, особое значение приобретает теоретическое и практическое исследование теории формальной истины в процессуальном праве. Теория формальной истины в цивилистическом процессе, иногда называемая принципом (Мохов 2002; Гуцин 2011), неразрывно связана с принципом состязательности, и его действие можно анализировать в следующих аспектах: предмет иска в арбитражном процессе, бремя и процесс доказывания, цифровизация судопроизводства.

В представленной работе предлагается понимание состязательности не только как результата усилий сторон — процессуальной борьбы (Шишкин 1997, 96, 119), но и как установленной законом реализации компетенции суда, непосредственно влияющей на процесс состязательности и будущую оценку судом доказательств по делу. Кроме того, лишь Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (АПК РФ) содержит положение о процессуальных рисках состязательного процесса (ч. 2 ст. 9), в то время как в ст. 12 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ) раскрываются лишь в целом принципы состязательности и равноправия.

2. Основное исследование

2.1. К понятию теории формальной истины

Арбитражное судопроизводство обеспечивает защиту нарушенных либо оспариваемых прав и законных интересов участников общественных отношений в сфере экономической деятельности (ч. 1 ст. 2 и ст. 4 АПК РФ). При формировании арбитражного законодательства система заложенных в нем принципов обеспечивает реализацию конституционного права на судебную защиту.

Большинство норм арбитражного процессуального права закрепляет порядок реализации участниками процесса своих субъективных прав в суде. Отступление от подобных процессуальных правил влечет за собой юридические последствия. Так, законодатель определил, что ответчик обязан (а не вправе, как в гражданском процессе) предоставить отзыв (ст. 131 АПК РФ). Данная процессуальная обязанность непосредственно корреспондирует с юридическими последствиями, в том числе материально-правовыми, на что указано в ст. 9 АПК РФ, посвященной принципу состязательности и процессуальным рискам несовершения юридически значимых действий. Неисполнение установленной процессуальным законом обязанности может повлечь за собой и материальные риски. В данном случае речь не идет о судебных штрафах (неисполнение требований суда, который может указать на данную обязанность в определении о принятии искового заявления к производству), а о возможности принятия итогового судебного акта не в пользу соответствующей стороны.

Наглядный пример эффективной реализации сторонами процессуальных прав в ходе судебного производства — заявление о пропуске срока исковой давности. В силу п. 2 ст. 199 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ГК РФ) применение последствий пропуска срока исковой давности возможно исключительно по заявлению стороны в споре. Речь идет об ответчике как стороне

по делу (ч. 1 ст. 44 АПК РФ). Вместе с тем данное положение закона было расширительно истолковано ВС РФ, который указал на то, что при наличии обоснованного материально-правового интереса (например, риск предъявления впоследствии регрессных требований) такое заявление может сделать не только сторона по делу, но и третье лицо (абз. 5 п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43).

Результатом заявления о пропуске срока исковой давности в случае, если таковое будет обоснованно, становится вынесение судебного акта об отказе в иске. Данное решение суд выносит без исследования других обстоятельств по делу, поскольку с учетом принципа процессуальной экономии совершение ряда иных процессуальных действий (назначение судом экспертизы стоимости утраченного имущества, истребование документов и т. д.) не будет иметь практического значения и не приведет к иному исходу рассмотрения дела. По сути, при заявлении о пропуске срока исковой давности все процессуальные действия суда будут сконцентрированы прежде всего на проверке обстоятельств пропуска срока исковой давности. На практике нередко получается, что при всей обоснованности материально-правового требования к ответчику заявление о пропуске исковой давности влечет за собой безусловный отказ в иске. Такой исход дела нельзя рассматривать как неосновательное обогащение или иное получение экономической выгоды на стороне ответчика, он является следствием состязательного судебного процесса, при котором процессуальные действия по подаче в суд (даже обоснованного) искового заявления осуществлены истцом с пропуском срока для их осуществления (в данном случае — срока исковой давности). Таким образом, само по себе сбережение (приобретение) не является целью, а представляет собой результат процессуальной состязательности.

Другой пример — заявление о снижении неустойки по ст. 333 ГК РФ. До сих пор ведутся дискуссии о порядке заявления и обосновании обязанности суда снизить установленный договором размер неустойки (Карапетов 2022). С одной стороны, исходя из принципа *pacta sunt servanda*, можно поставить под сомнение целесообразность снижения неустойки, о которой договорились стороны договора, не оспаривающие заключенный ими договор. С другой стороны, договор может заключаться в различных обстоятельствах и условиях, при которых одна из его сторон не обладает объективной возможностью влиять на условия соглашения о неустойке (договор присоединения, подписание сделки «слабой стороной договора» и т. д.). Кроме того, в судебной практике выработан подход, согласно которому любые соглашения об ограничении применения ст. 333 ГК РФ ничтожны (п. 69 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7).

Снижение неустойки также облечено в соответствующую процессуальную форму. Так, субъекты предпринимательской деятельности, выступающие ответчиками по делу, должны заявить о снижении неустойки, а также представить обоснование такового. Не допускается снижение неустойки по инициативе суда в случаях, когда ответчиками по делу выступают коммерческие организации либо индивидуальные предприниматели. Заявление можно сделать только в суде первой инстанции либо в апелляционном суде, рассматривающем дело по правилам суда первой инстанции (п. 71–72 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7). На практике в случаях, когда ответчик не явился на предварительное судебное заседание, не заявил возражение о рассмотрении дела сразу после завершения предварительного судебного

заседания (ст. 137 АПК РФ), а также о снижении неустойки с соответствующим обоснованием, арбитражный суд вправе в одном (первом) заседании рассмотреть дело по существу и взыскать заявленную неустойку в полном объеме. Это возможно даже тогда, когда сумма неустойки превышает основную сумму задолженности либо многократно выше ключевой ставки Банка России.

Таким образом, результатом состязательного процесса становится судебный акт, основанный на формальной истине, которая ставится в зависимость от поведения (активного, пассивного) участников процесса. В этом случае у суда отсутствуют какие-либо основания отступления от вышеприведенной формальной логики, иначе судебный акт может быть отменен в случае его обжалования в вышестоящей инстанции.

Применительно к судебному производству теория формальной истины представляет собой систему убеждений или взглядов, касающихся фактов, достоверность установления которых стала следствием реализации процессуальных правомочий участников процесса и дискреционной компетенции суда. Полагаем, что данный подход в равной степени может использоваться в любом типе судопроизводства (конституционном, гражданском, арбитражном, административном либо уголовном).

Далее продемонстрируем реализацию предлагаемой теории на отдельных процессуальных вопросах, относящихся к предмету иска, доказательствам по делу и цифровизации правосудия.

2.2. Предмет иска в арбитражном процессе

В процессуальном праве общепринято, что предметом иска является материально-правовое требование, которому соответствует основание иска — фактические обстоятельства дела. Совокупность предмета и основания иска облачается в процессуальную форму — исковое заявление в суд. Данный подход отражен в процессуальном законодательстве, которое ограничивает право истца (заявителя) на произвольное одновременное изменение предмета и основания иска, поскольку результатом будет новое исковое заявление (ст. 49 АПК РФ, п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46).

До сих пор встречающееся на практике убеждение в том, что ссылка участника процесса на норму права является фактическим обстоятельством, представляется неверным, поскольку правовая квалификация правоотношений и применимого права входит в компетенцию суда, что неоднократно разъяснялось высшими судами³. Данный подход свидетельствует также о том, что применение к спорным отношениям актуального и релевантного закона является обязанностью суда. При этом даже в отсутствие соответствующих доводов сторон судья должен изучать судебную практику применения законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Необходимо также учитывать, что иногда складывается вариативная судебная практика применения отдельных норм права ввиду тонкостей при оценке обстоятельств дела, которые при принятии судом иска не всегда очевидны.

³ См., напр.: п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 № 65, абз. 2 п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24.06.2008 № 11.

Установленную российским законодательством вариативность способов защиты нарушенного права следует рассматривать как систему правомочий истца, а выбор конкретного способа — исключительно его прерогатива. Так, при заключении генеральным директором от имени корпоративной организации крупной сделки по отчуждению имущества по заниженной цене участники (акционеры) общества вправе заявить требование о признании сделки недействительной и/или о взыскании убытков с генерального директора в виде разницы между рыночной и продажной ценой выбывшего актива. Суд не вправе отказать в иске лишь на том основании, что у истца есть иной способ защиты нарушенного права. Допускается использовать одновременно несколько самостоятельных способов защиты нарушенного права, при этом не требуется последовательного обращения в суд с соответствующими требованиями.

Пределы реализации активной роли суда в части установления добросовестности поведения участников общественных отношений и применения норм права к установленным судом обстоятельствам (п. 1 и 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25) непосредственно связаны с предметом иска. Выбор истцом материально-правового требования становится точкой отсчета в определении судом круга исследуемых обстоятельств по делу.

С точки зрения принципа диспозитивности и состязательности судебного процесса предполагается активное поведение участников процесса в ходе судебного разбирательства. Представляется дискуссионной возможность суда обращать внимание заявителя на необходимость уточнения либо иной корректировки исковых требований. Вместе с тем судебная практика свидетельствует, что кассационные окружные арбитражные суды, отправляя дело на новое рассмотрение, в своих постановлениях нередко указывают, что нижестоящие суды не в полной мере позаботились о выяснении истинных намерений и цели заявителя (истца) при обращении в суд и отнеслись к заявленному требованию формально⁴. Можно встретить такие формулировки, как «суд не предложил стороне уточнить требования», «суд не предложил сторонам рассмотреть вопрос о назначении судебной экспертизы» и т. д. В некоторых случаях подобные формулировки могут рассматриваться как нарушение принципа состязательности арбитражного процесса.

Как определить грань дозволенной и возможной активной роли суда? Критериями могут послужить несколько обстоятельств.

Во-первых, в рамках дискреционных функций суд вправе самостоятельно определить способ проверки устных и письменных доводов сторон (которые также являются доказательствами по делу), т. е. проверить факты. В частности, в случае удостоверения нотариусом в порядке ст. 67.1 ГК РФ решения общего собрания хозяйственного общества суд альтернативно может проверить данный факт посредством предложения обществу представить соответствующее свидетельство об удостоверении принятия решения общим собранием⁵, а в случае его утери — путем судебного запроса нотариусу по данному факту. В данной ситуации возражения стороны о том, что лишь она должна доказывать факты по делу, несостоятельны,

⁴ См., напр.: Постановления Арбитражного суда Московского округа от 23.05.2023 № Ф05-26853/2022, от 29.08.2022 № Ф05-14824/2022; Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2020 № Ф09-2339/18; ФАС Северо-Западного округа от 03.12.2012 по делу № А21-3722/2012 и др.

⁵ Письмо Федеральной нотариальной палаты от 01.09.2014 № 2405/03-16-3.

поскольку это непосредственно корреспондирует с обязанностью суда по объективному рассмотрению спора по заявленному требованию.

Дискреционные полномочия суда не ограничиваются рамками каких-либо норм процессуального законодательства. Несмотря на общепринятую аксиому о процессуальной обязанности сторон по доказыванию, суд также участвует в сборе доказательств и последующей их оценке. Разумеется, речь не идет об обстоятельствах возникновения правоотношения или юридических разногласиях, в частности о доказательствах заключения либо исполнения спорной сделки, поскольку это очевидная прерогатива сторон. Вместе с тем некоторые формулировки закона и судебной практики (например, п. 19 и 45 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23) позволяют утверждать, что суд должен содействовать получению ряда доказательств, в том числе ключевых, которые стороны по объективным причинам не всегда могут самостоятельно получить и которые могут влиять на исход дела; среди них доказательства о правоспособности либо адресе гражданина (сведения из органов ЗАГС либо Главного информационно-аналитического центра МВД РФ), доказательства по делам о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (сведения о счетах, выписки по счетам общества) и т. д.

Во-вторых, активная роль суда может предопределяться сложившейся судебной практикой по соответствующим вопросам. В частности, суд вправе предложить истцу представить уточненный расчет неустойки по денежным требованиям, когда заявленные требования (по аналогии с банкротными реестровыми требованиями) подпадают под период действия моратория, закрепленного в ранее действовавшем Постановлении Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами». Суд должен самостоятельно, в том числе при отсутствии соответствующих доводов ответчика, пересчитать искивые требования, исключив из расчета мораторный период неустойки, и рассмотреть дело по существу без предложения истцу представить уточненный или альтернативный расчет⁶. Вместе с тем такой подход не учитывает некоторые обстоятельства. Так, расчет суммы иска изначально является прямой обязанностью истца (п. 7 ч. 2 ст. 125 АПК РФ), в отсутствие которого суд даже оставляет поступившее исковое заявление без движения. Кроме того, от размера присужденной суммы непосредственно зависит распределение судебных издержек, пропорциональное удовлетворенной части требования (ст. 110 АПК РФ).

Таким образом, предложение суда стороне совершить какое-либо процессуальное действие не всегда является отступлением от состязательного процесса и отчасти обеспечивает задачу процессуальной экономии, поскольку суд в этом случае только перепроверяет расчет, а не делает его заново.

Полагаем, законодатель не случайно не установил пределов активной роли суда. Реализация в разумной степени данной компетенции суда ограничивается лишь там, где нарушается принцип состязательности судебного процесса, основы

⁶ См., напр.: Постановления Арбитражного суда Московского округа от 02.02.2023 № Ф05-35292/2022; Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.02.2023 № Ф07-20726/2022; и др.

которого также обтекаемо раскрыты в ст. 9 АПК РФ и конкретизируются в тематических разъяснениях ВС РФ⁷.

Право суда переквалифицировать заявленные истцом требования, по сути, позволяет скорректировать правовую позицию сторон состязательного процесса. В результате формальный подход к рассмотрению дела не ограничивается оценкой суда требований по заявленным основаниям и доводам, а также совокупно с этим позволяет суду самостоятельно определять применимое право. Яркий пример — реализация компетенции кассационных арбитражных судов при оценке доводов жалобы, при которой оцениваются судебные акты нижестоящих судов не только по заявленным доводам кассационной жалобы, но и в целом на предмет их законности (п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2020 № 13). Пределы компетенции кассационного суда не ограничиваются проверкой их соответствия конкретным (отдельным) нормам материального или процессуального права. Разумеется, не требуют состязательности случаи отмены кассационным судом судебных актов по безусловным основаниям, в частности при рассмотрении дела незаконным составом суда или при отсутствии подписи судьи на судебном акте (ч. 4 ст. 288 АПК РФ). Мы говорим и о тех случаях состязательности сторон, когда она реализуется сторонами фрагментарно, однако с учетом дискреционных полномочий суда такая реализация меняет исход дела. Фактически достаточно подать кассационную жалобу с любыми доводами (даже несущественными), после чего в силу закона автоматически запускается механизм реализации компетенции кассационного суда, от которого будет зависеть исход дела (обжалования).

В-третьих, при отсутствии законодательных положений активная роль суда реализуется по усмотрению каждого судьи с учетом обстоятельств конкретного спора. Можно предположить, что указанные правомочия суда заканчиваются в тех случаях, когда их реализация ставит под сомнение принцип равенства, объективности и беспристрастности (ст. 9 и 10 Кодекса судейской этики, утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012). Кодекс судейской этики, распространяющий своей действие на всех судей РФ, содержит формулировки, позволяющие определить пределы данных границ (например, судья должен относиться с одинаковым вниманием ко всем участникам судопроизводства). Многие положения данного кодекса корреспондируют положениям АПК РФ, содержащим принципы арбитражного судопроизводства. Однако в юридической практике свобода выбора способа защиты не должна рассматриваться настолько широко, что истец может произвольно заявлять свои требования. В частности, в случае исключения общества из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) оставшееся имущество (денежные средства на общества), юридическая судьба которого не была определена в процессе ликвидации или прекращения его деятельности, должно распределяться в порядке п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, о чем высказывался ВС РФ⁸. Установленная законом процедура — реализация имущества среди лиц, «имеющих на это право», — закреплена законодателем для обеспечения прав и законных

⁷ См., напр.: Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020.

⁸ См., напр.: Определения ВС РФ от 26.07.2021 № 304-ЭС21-11230; от 03.08.2021 № 304-ЭС21-12087; и др.

интересов членов гражданско-правового сообщества (Лаптев 2022). Таким образом, не допускается подача бывшими участниками требования о признании права собственности на обнаруженное имущество исключенного из ЕГРЮЛ общества, поскольку не исключено появление в деле иных кредиторов, обладающих материально-правовым интересом в его распределении.

2.3. Бремя и процесс доказывания

В цивилистическом процессе установлен ряд постулатов, касающихся процесса доказывания, что периодически отражается в судебной практике и исследуется в отечественном правоведении (Ярков 2021; Молчанов 2017; Смолина 2015; и др.). Закрепленное в ст. 65 АПК РФ общее правило об обязанности стороны доказывать обстоятельства, на которые она ссылается, находится в зависимости от категории рассматриваемого спора, порядка рассмотрения дела (приказное либо упрощенное производство, производство по общим правилам искового производства), статуса участника процесса и иных факторов. Также согласно п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46 при принятии искового заявления к производству суд вправе указать на распределение бремени доказывания по заявленному истцом требованию.

Упомянутое выше общее правило содержит множество исключений, обусловленных объективными факторами, в частности отсутствием у стороны возможности представить суду соответствующие доказательства или сведения. В рамках конкретного спора суд нередко исходит из реальной возможности доказывания участниками процесса определенных обстоятельств либо распределяет бремя доказывания на конкретную сторону, что периодически отмечается в судебной практике⁹.

Пример первого исключения — возложение на лицо, обязанное в силу ст. 427 ГК РФ заключить публичный договор, бремени доказывания факта невозможности исполнить обязательство (поставить товар, выполнить работы или оказать услуги). Такой подход обусловлен объективной невозможностью истца доказать то, что ответчик (поставщик, подрядчик) недобросовестно уклонялся от исполнения публичного договора (п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49). В данном случае, по сути, действует презумпция добросовестности лица, вступающего в правоотношения с другим лицом, которое обязано заключить публичный договор.

В корпоративных отношениях весьма любопытно реализуется конструкция законного представительства, когда участник, действующий в силу ст. 65.2 ГК РФ от имени корпоративной организации как ее законный представитель, обращается в суд с требованиями по корпоративным основаниям: о взыскании убытков с лиц, входящих в органы управления; о признании недействительными крупных сделок и сделок с заинтересованностью и т. д. Несмотря на то что данные требования изначально заявляются по корпоративным нормам, они оцениваются судом на предмет соответствия общегражданским нормам. В частности, рассматривая

⁹ См., напр., п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45; п. 1 Обзора судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей, утв. Президиумом ВС РФ 21.12.2022; п. 5 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 и др.

требования о признании крупной сделки недействительной, суд может прийти к выводу о ее мнимости в силу ст. 170 ГК РФ, что также влечет удовлетворение требования. Что касается распределения бремени доказывания в косвенном иске в интересах корпорации, то в судебной практике существует подход, в рамках которого ряд обстоятельств должен доказывать не процессуальный истец (законный представитель — участник, акционер), а материальный (корпоративная организация). Так, соответствие заключенной сделки обычной хозяйственной деятельности доказывает само общество (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27). Данный подход соответствует обычной логике, поскольку при возникновении корпоративных споров обращение участника общества в суд с требованиями об оспаривании сделки является крайней мерой, когда переговорный процесс с другими участниками и/или директором зашел в тупик. Дело в том, что интересы общества и участника, который заявил иск, могут не совпадать, а следовательно, участник может не обладать элементарной информацией о содержании текущей производственно-хозяйственной деятельности своего общества. Кроме того, документы и иные доказательства, достоверно свидетельствующие об указанных фактах, хранятся в силу закона в обществе.

Сложным в оценке приведенного примера из корпоративной практики представляется толкование ст. 1 и 10 ГК РФ, в силу которых добросовестность предполагается. Аналогичным образом при оспаривании сделки корпорации предполагается, что ее совершение соответствовало пределам обычной хозяйственной деятельности (Габов 2005, 271). Вместе с тем в ходе состязательного участия стороны при рассмотрении дела данные факты также требуют подтверждения. Одним словом, суд устанавливает факты по делу в том числе благодаря активной реализации процессуальных прав участниками дела, а следовательно, любые нормативно закрепленные предположения и презумпции априори могут впоследствии быть подвергнуты сомнению.

Немаловажны также своевременное раскрытие соответствующих доказательств и заявление ходатайств. Письменные и устные пояснения сторон, которые также могут содержать отдельные процессуальные ходатайства, должны быть заблаговременно и своевременно заявлены (раскрыты). Процессуальное законодательство наделяет суд правом установить участникам спора срок раскрытия доказательств (п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ). Рассматриваемое право суда не декларативно, поскольку законодательство содержит юридические последствия несвоевременного раскрытия своей позиции и представления доказательств.

Кроме того, долгое время в арбитражной практике положение ч. 5 ст. 159 АПК РФ о возможности отклонения заявлений (хозяйств) применялось редко, поскольку многие заявления могли существенно повлиять на исход дела и их следовало бы принять (заявление о пропуске срока исковой давности, о снижении неустойки по ст. 333 ГК РФ, о фальсификации доказательств и др.). В 2021 г. подход к данному вопросу существенно изменился после принятия Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46, которое позволяет суду отклонять несвоевременно заявленный встречный иск и иные заявления, даже если таковые очевидно могли повлиять на исход дела (п. 32 и 45).

Один из сложных вопросов юридической практики — порядок заявления в ходе судебного разбирательства о фальсификации доказательства. Решение

данного вопроса непосредственно находится в процессуальной плоскости, однако правовые последствия такого заявления влияют на материально-правовой результат. Законодательством не случайно установлена строго письменная и приравненная к ней электронная форма такого заявления (ст. 161 АПК РФ). В большинстве случаев у суда отсутствуют основания для отказа в принятии такого заявления к рассмотрению, поскольку проверка факта фальсификации может существенно повлиять на исход дела. Кроме того, при подтверждении факта фальсификации доказательства суд согласно ст. 188.1 АПК РФ вправе вынести частное определение и сообщить об указанных фактах органам дознания или предварительного следствия¹⁰.

Полезным для юридической практики стало разъяснение ВС РФ, согласно которому суд вправе не рассматривать заявление о фальсификации доказательства, которое представлено стороной либо третьим лицом в материалы арбитражного дела, в двух случаях: если доказательство является неотносимым или не влияет на общий исход дела (п. 39 Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 № 46). Речь не идет о процессуальной экономии, поскольку такая экономия не должна препятствовать объективному установлению обстоятельств дела. Мы также не говорим о неотносимых доказательствах, которые суд и не должен приобщать к материалам дела, хотя не всегда сразу очевидна их категоризация в качестве неотносимых. В данном случае происходит разделение доказательств на ключевые (бесспорные, основные) и вспомогательные (акцессорные, дополнительные, вторичные). Так, основу судебного акта всегда составляют ключевые доказательства о фактах, а лишь в их отсутствии либо в спорных ситуациях суд учитывает иные имеющиеся в судебном деле доказательства. Приведенными разъяснениями ВС РФ, по сути, позволил суду отступить от общего правила ч. 2 ст. 71 АПК РФ о совокупном исследовании всех доказательств, выведя ряд доказательств в категорию «несущественных» («незначительных»), исследование которых не влияет на исход дела.

В случае с фальсификацией доказательств упоминание о делении доказательств на ключевые и вспомогательные разрешает вопрос о начале исследования судом вопроса о фальсификации по рассматриваемому делу. Однако споры (конфликты) между участниками общественных отношений не всегда ограничиваются конкретным делом (корпоративные споры, споры между участниками корпорации при исполнении государственных заказов и т. д.). Установление факта фальсификации имеет самостоятельные уголовно-правовые последствия (ст. 303 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ). Кроме того, например, в корпоративной практике нередко подают «фишинговые» иски с целью получения новых доказательств для новых дел, в том числе в целях создания условий (обстоятельств) для пересмотра вынесенных судебных актов по предыдущим делам.

Преюдициальные факты, установленные вступившими в законную силу судебными актами (ст. 69 АПК РФ), не являются безусловными и также могут быть подвергнуты сомнению, если в их основу положены недостоверные факты (вопрос

¹⁰ См., напр., п. 5 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утв. Президиумом ВС РФ 08.07.2020.

переоценки истинности фактов)¹¹. В частности, согласно ст. 71 АПК РФ достоверными признаются лишь те доказательства, которые в результате их проверки и исследования будут соответствовать действительности — истинным фактам. Дополнительно обратим внимание на позицию Конституционного Суда РФ (КС РФ), отраженную в п. 3.2 Постановления от 25.12.2023 № 60-П: преюдициальное значение судебных решений предполагает истинность установленных фактов лишь до тех пор, пока она не будет опровергнута¹². Существующая в процессуальном законодательстве преюдициальность фактов служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов. Однако в ряде случаев суд может установить опровергающие преюдицию факты, что приведет к вынесению судебного акта вопреки позиции стороны, основанной на ранее установленной преюдиции.

2.4. Цифровизация судопроизводства

Внедрение цифровых технологий в сферу судопроизводства значительно ускорило и оптимизировало многие формальные и рутинные процедурные действия судьи и аппарата суда (Чуча 2017; Бурдина, Зуев 2021). Детальное изучение тенденции цифровизации правосудия на современном этапе не позволяет сделать однозначный вывод о том, кому данные технологии создают больший комфорт: участникам общественных отношений (заявителям, истцам) либо государственным органам (судьям и иным работникам суда). Суперсервис «Правосудие онлайн» анонсирован как обеспечивающий прозрачное и доступное правосудие для всех участников общественных отношений¹³. Вместе с тем существующие в стране цифровые барьеры и неравенство (например, доступ к интернету в районах Крайнего Севера) по-прежнему выступают препятствием на пути к полному переходу к цифровому правосудию.

Установление истинности фактов — прерогатива судьи-человека и не может быть полностью передоверено компьютерной программе либо искусственному интеллекту (Момотов 2021), поскольку формирование итогового суждения судьи по делу — часть человеческой мыслительной деятельности. Вместе с тем участие машинного интеллекта в судебном производстве — эффективный инструмент и в какой-то степени «формула логического контроля» в деятельности судьи.

Каковы основные риски внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и искусственного интеллекта в сферу судопроизводства с позиции нахождения формальной истины судом в процессе разбирательства? Цифровое правосудие представляет собой особый способ реализации участниками процесса своих прав с применением информационных технологий. Под искусственным интеллектом понимается комплекс решений технологического характера, посредством которого возможна имитация когнитивных функций человека с целью выполнения конкретных задач¹⁴.

¹¹ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2014 № Ф05-12717/2014.

¹² См. также: Постановление КС РФ от 21.12.2011 № 30-П; Определение КС РФ от 06.11.2014 № 2528-О; и др.

¹³ На портале госуслуг появится сервис «Правосудие онлайн». Дата обращения 5 марта, 2025. <https://rg.ru/2024/10/16/naklikaem-sud.html>.

¹⁴ Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в РФ» от 10.10.2019 № 490.

Информационно-коммуникационные технологии применяются в судопроизводстве, в частности в сферах электронного делопроизводства (Лукьянова 2018), судебного разбирательства (в том числе с использованием электронных доказательств), в судебных заседаниях в формате видео-конференц-связи и т. п. В судопроизводстве ИКТ в целом направлены на большую доступность и открытость судебного процесса.

Вместе с тем введение в сферу судопроизводства таких технологий сопряжено с определенными рисками.

Во-первых, на данном этапе процесс освоения новых информационных технологий проходит нелегко, и это касается как участников судопроизводства, так и сотрудников суда. Здесь можно говорить о психологических барьерах при столкновении с чем-то принципиально новым для сознания и привычной деятельности людей. По этой причине в некоторых случаях ИКТ усложняют судебное разбирательство. В связи с этим соответствующие ИКТ должны стать объектом изучения на всех уровнях образовательной системы. Кроме того, на сайтах судов целесообразно создать специальные страницы с разъяснениями, касающимися применения соответствующих информационных технологий, информационно-образовательной деятельности судов и т. п.¹⁵

В законодательстве существует ряд пробелов, усугубляющих названную проблему. Так, отсутствуют правила и порядок представления и исследования электронных доказательств. Имеющиеся разъяснения ВС РФ (например, Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57) свидетельствуют о существовании множества отдельных законов, регламентирующих электронное взаимодействие участников общественных отношений, и о потребности закрепления соответствующих положений в процессуальных кодексах (например, порядок и способы проверки заявления о фальсификации электронной подписи в электронном документе, подлинности сведений и скриншотов веб-архивов и др.).

Данная ситуация отчасти препятствует реализации своих прав участниками судопроизводства и поиску формальной истины судом.

Во-вторых, не менее важна проблема удаленных и труднодоступных районов РФ (например, районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей) с отсутствием постоянного доступа к интернету, т. е. у ряда участников процесса отсутствует равная возможность доступа к сервисам электронного правосудия, что свидетельствует о возможном нарушении баланса интересов участников судопроизводства (Аносов 2016).

В-третьих, внедрение искусственного интеллекта в область правосудия может иметь ряд дискуссионных последствий. Прежде всего опасения вызваны тем, что само законодательство является сложным для применения и содержит немало алогизмов, что может препятствовать успешной работе «робота-правоприменителя».

Искусственный интеллект не способен полностью заменить судью-человека. Представляется преждевременной полномасштабная автоматизация правосудия. Допускаем лишь его фрагментарное применение (в частности, в приказном производстве по налоговым требованиям или при индексации присужденных денежных средств). С одной стороны, искусственный интеллект действительно имитирует

¹⁵ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., одобренная Советом судей РФ 05.12.2019.

функционирование человеческого мозга (способность к обучению, анализу, запоминанию и др.), с другой — не обладает свойством, необходимым субъекту при осуществлении правосудия (Цвык, Цвык 2022), — у него отсутствует человеческое сознание, «внутренний мир», т. е. самосознание, вследствие чего он не в состоянии отвечать на сложные социальные запросы людей, устанавливать намерение реализации права (ст. 10 ГК РФ) и пр.

Не менее интересен анализ возможной роли «машины-судьи» с позиции справедливости в частном праве. Так, М. И. Клеандров отметил, что необходимо пересмотреть систему правосудия, используя критерий справедливости (Клеандров 2022, 10). Можно также согласиться с ним в том, что для осуществления правосудия чрезвычайно важны личностные характеристики судьи, а также наличие у него самосознания и особого «чувства справедливости», что невозможно при осуществлении правосудия искусственным интеллектом.

3. Выводы

Проведенное исследование теории формальной истины в процессуальном праве позволяет сделать следующие выводы:

— теория формальной истины в арбитражном процессе — система убеждений или взглядов, касающихся фактов, достоверность установления которых стала следствием реализации процессуальных правомочий участников процесса и дискреционной компетенции суда;

— содержание материально-правового требования (предмета иска) должно соответствовать выбранному истцом способу защиты нарушенного права или законного интереса, который определяется с учетом фактических обстоятельств дела;

— распределение в процессуальном законодательстве и в судебной практике бремени доказывания обусловлено реальной возможностью участников процесса по доказыванию, позволяющей суду объективно и всесторонне рассмотреть дело по существу;

— выбор истцом материально-правового требования выступает точкой отсчета при определении судом круга исследуемых обстоятельств по делу; активная роль суда связана с заявленным предметом иска;

— активное либо пассивное поведение субъектов предопределяет результат судебного рассмотрения, а неисполнение процессуальной обязанности влечет возникновение материальных рисков;

— развитие цифровых технологий позволяет внедрить «форму логического контроля» при осуществлении правосудия, но не заменить мыслительную деятельность судьи-человека при вынесении судебного акта;

— на текущий момент не решена проблема удаленных и труднодоступных регионов РФ без постоянного доступа к интернету, что означает отсутствие равной возможности доступа к сервисам электронного правосудия и свидетельствует о нарушении баланса интересов участников судопроизводства.

Библиография

- Аносов, А. В. 2016. *Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации*. Дис. ... канд. юрид. наук, Институт государства и права Российской академии наук.
- Афанасьев, С. Ф. 1998. *Проблема истины в гражданском судопроизводстве*. Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная академия права.
- Бурдина, Е. В., С. В. Зуев. 2021. *Электронное правосудие*. М.: Рос. гос. ун-т правосудия.
- Габов, А. В. 2005. «Проблемы применения категории «обычная хозяйственная деятельность» при регулировании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». *Гражданско-правовые проблемы: сборник научных трудов*, 267–288. Екатеринбург: Институт частного права.
- Гущин, В. З. 2011. «Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве». *Современное право* 10: 107–111.
- Докучаева, Т. В. 2005. «Истина в гражданском процессе». *Lex Russica (Русский закон)* 4: 719–734.
- Карапетов, А. Г., ред. 2022. *Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса РФ*. М.: М-Логос.
- Клеандров, М. И. 2022. *Правосудие и справедливость*. М.: Норма; Инфра-М.
- Лаптев, В. А. 2015. «Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости». *Арбитражный и гражданский процесс* 10: 28–33.
- Лаптев, В. А. 2022. «Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики». *Вестник Арбитражного суда Московского округа* 4: 46–57.
- Лукьянова, И. Н. 2018. «Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право* 4: 130–136.
- Молчанов, В. В. 2017. *Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве*. М.: Зерцало-М.
- Момотов, В. В. 2021. «Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования». *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)* 5 (81): 188–191.
- Мохов, А. А. 2002. «Принцип судебной истины и проблемы его реализации в гражданском судопроизводстве России». *Право и политика* 12: 89–104.
- Смолина, О. С. 2015. *Арбитражный процесс: доказывание и доказательства по делам об оспаривании результатов налоговых проверок*. М.: Норма; Инфра-М.
- Толстой, Ю. К. 1959. *К теории правоотношения*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Туманов, Д. А. 2021. «Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины?». *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)* 12 (88): 28–40.
- Цвык, В. А., И. В. Цвык. 2022. «Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта». *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология* 1: 58–69.
- Чуча, С. Ю., ред. 2017. *Электронное правосудие. Электронный документооборот: науч.-практ. пособие*. М.: Проспект.
- Шишкин, С. А. 1997. *Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве*. М.: Городец.
- Ярков, В. В. 2021. *Арбитражный процесс: учебник*. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Статут.
- Bradley, F. H. 1883. *The principles of logic*. Oxford: Oxford University Press.
- Habermas, J. 1973. *Wahrheitstheorien*. Festschrift für W. Schulz. Pfullingen: Neske.
- James, W. 1890. *Principles of psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Joachim, H. H. 1906. *The nature of truth*. Eds S. Blackburn, K. Simmons. New York: Greenwood Press.
- Moore, G. E. 1993. “Truth and falsity”. *Selected writings*. Ed. by T. Baldwin, 20–22. London; New York: Routledge.
- Peirce, C. S. 1992. *The essential Peirce*. In 2 vols, vol. 1. Bloomington: Indiana University Press.
- Peirce, C. S. 1999. *The essential Peirce*. In 2 vols, vol. 2. Bloomington: Indiana University Press.
- Russell, B. 1903. *The principles of mathematics*. London: Allen and Unwin.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 30 октября 2024 г.

Контактная информация:

Лаптев Василий Андреевич — д-р юрид. наук; <https://orcid.org/0000-0002-6495-1599>,
laptev.va@gmail.com

Баттахов Петр Петрович — канд. юрид. наук; <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>,
battakhov@mail.ru

The theory of formal truth in arbitration procedural law

V. A. Laptev^{1,2}, P. P. Battakhov^{1,2,3}

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10, ul. Znamenska, Moscow, 119019, Russian Federation

² Kutafin Moscow Law University (MSAL),
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russian Federation

³ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, ul. Belinskogo, Yakutsk, 677000, Russian Federation

For citation: Laptev V. A., P. P. Battakhov. 2025. “The theory of formal truth in arbitration procedural law”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 30–47. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.103> (In Russian)

The study of theories of truth from a methodological point of view is useful for both natural sciences and humanities, including law. This article formulates the theory of formal truth based on the current judicial practice in the field of arbitration proceedings. The main characteristics and content of the proposed theory of formal truth are investigated. The legal assessment of the application of this theory in the arbitration process is given, the methods and techniques used by the court to establish the circumstances of the case and the motives for the adoption of relevant judicial acts. The approaches to the assessment of the subject of the claim, the choice of a way to protect the violated right and the active role of the court. The general and special provisions of the law on the distribution of the burden of proof are disclosed. The article defines the boundary between the legally permissible and the possible practically active role of the court. At the same time, the criteria for the permissible role of the court may be: the framework of discretionary functions, in which the court has the right to independently determine the way to verify the oral and written arguments of the parties; by the established judicial practice in the relevant categories of cases; the discretion of the judge, taking into account the circumstances of a particular dispute and the need to fulfill the tasks of the proceedings. Highlights the importance of timely disclosure of relevant evidence and petitions, including falsification of evidence. It is concluded that the solution of this issue is directly in the procedural plane, but the legal consequences of such a statement affect the substantive result. The influence of information technologies on the essential characteristics of the theory of formal truth in arbitration proceedings is analyzed.

Keywords: theory of truth, theory of formal truth, procedural estoppel, abuse of law, disclosure of evidence, burden of proof, procedural risks, court decision, active role of the court, falsification of evidence.

References

- Afanasiev, S. F. 1998. *The problem of truth in civil proceedings*. PhD Thesis in Law, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava. (In Russian)
- Anosov, A. V. 2016. *Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation*. PhD Thesis in Law, Institut gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. (In Russian)
- Bradley, F. H. 1883. *The Principles of logic*. Oxford, Oxford University Press.

- Burdina, E. V., S. V. Zuev. 2021. *Electronic justice*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiia Publ. (In Russian)
- Chucha, S. Yu., ed. 2017. *Electronic justice. Electronic document management: Scientific and practical manual*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Dokuchaeva, T. V. 2005. "Truth in civil proceedings". *Lex Russica (Russkii zakon)* 4: 719–734. (In Russian)
- Gabov, A. V. 2005. "Problems of applying the category 'ordinary business activity' when regulating interested party transactions". *Tsivilisticheskie zapiski: mezhvuzovskiiu sbornik nauchnykh trudov*, 267–288. Ekaterinburg, Institut chastnogo prava Publ. (In Russian)
- Gushchin, V. Z. 2011. "The principle of objective truth in civil proceedings". *Sovremennoe pravo* 10: 107–111. (In Russian)
- Habermas, J. 1973. *Wahrheitstheorien*. Festschrift für W. Schulz. Pfullingen, Neske.
- James, W. 1890. *Principles of psychology*. Cambridge, Harvard University Press.
- Joachim, H. H. 1906. *The nature of truth*. Eds S. Blackburn, K. Simmons. New York, Greenwood Press.
- Karapetov, A. G., ed. 2022. *Change of persons in an obligation and liability for violation of an obligation: Commentary on articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Kleandrov, M. I. 2022. *Justice and fairness*. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ. (In Russian)
- Laptev, V. A. 2015. "Court decisions as part of judicial practice: Application of the law and the principle of justice". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 10: 28–33. (In Russian)
- Laptev, V. A. 2022. "Civil legal community in the corporate management system: Tasks of the legislator and the realities of judicial practice". *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* 4: 46–57. (In Russian)
- Lukyanova, I. N. 2018. "Evidence in civil cases in the era of electronic justice". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* 4: 130–136. (In Russian)
- Mokhov, A. A. 2002. "The principle of judicial truth and the problems of its implementation in civil proceedings in Russia". *Pravo i politika* 12: 89–104. (In Russian)
- Molchanov, V. V. 2017. *Fundamentals of the theory of evidence in civil procedural law*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (In Russian)
- Momotov, V. V. 2021. "Artificial intelligence in legal proceedings: Status, prospects for use". *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIuA)* 5 (81): 188–191. (In Russian)
- Moore, G. E. 1993. "Truth and falsity". *Selected writings*. Ed. by T. Baldwin, 20–22. London; New York, Routledge.
- Peirce, C. S. 1992. *The essential Peirce*. In 2 vols, vol. 1. Bloomington, Indiana University Press.
- Peirce, C. S. 1999. *The essential Peirce*. In 2 vols, vol. 2. Bloomington, Indiana University Press.
- Russell, B. 1903. *The principles of mathematics*. London, Allen and Unwin.
- Shishkin, S. A. 1997. *Adversarialism in civil and arbitration proceedings*. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Smolina, O. S. 2015. *Arbitration process: Proof and evidence in cases of challenging the results of tax audits*. Moscow, Norma Publ.; Infra-M Publ. (In Russian)
- Tolstoy, Yu. K. 1959. *Towards a theory of legal relations*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Tsvyk, V. A., I. V. Tsvyk. 2022. "Social problems of the development and application of artificial intelligence". *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* 1: 58–69. (In Russian)
- Tumanov, D. A. 2021. "Does modern legal proceedings need the principle of objective truth?" *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIuA)* 12 (88): 28–40. (In Russian)
- Yarkov, V. V. 2021. *Arbitration process*. 8th ed., rev. and suppl. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

Received: October 15, 2023

Accepted: October 30, 2024

Authors' information:

Vasily A. Laptev — Dr. Sci. in Law, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6495-1599>,
laptev.va@gmail.com

Petr P. Battakhov — PhD in Law; <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>, battakhov@mail.ru